

Когда Сун Цинъи открыл глаза, первое, что бросилось ему в глаза — две красные свечи с изображением дракона и феникса. Он на мгновение замер, а затем ощутил странный жар, разливающийся по всему телу.

Горькая улыбка скользнула по его лицу. Неужели даже в его нынешнем жалком состоянии кто-то удостоил его внимания и применил такие уловки?

Однако следующий звук, донесшийся из-за двери, заставил его оцепенеть от шока.

— Негодяй! В эту брачную ночь ты ни за что не выйдешь из этой комнаты!

Раздался знакомый голос, сопровождаемый звоном цепей и щелчком замка.

Услышав, что внутри нет ответа и никаких движений, человек снаружи вздохнул и ушел.

На самом деле Сун Цинъи молчал не потому, что не хотел отвечать, а потому что был полностью ошеломлен.

Оглядевшись, он заметил, что все это время лежал на полу, связанный веревками. А комната, как уже стало ясно из голоса его покойного отца, была его брачным покоем.

Сун Цинъи вспомнил, что за всю жизнь он любил только одну женщину, но женился дважды. Отец признал только его брак с законной женой, и в ту брачную ночь сам связал его, а мать, опасаясь его сопротивления, дала ему возбуждающее снадобье.

Сдерживая дискомфорт, Сун Цинъи с трудом освободился от ослабленных узлов веревок и поднялся на ноги. Его взгляд упал на «невесту», сидящую на свадебном ложе. Она была одета в красный халат с узором парного лотоса, ее длинные черные волосы были собраны в хвост, спадающий ниже спины, а две бледные руки крепко сжимали плод благополучия.

Красный халат с узором парного лотоса — это была свадебная одежда, которую носили только мужчины-жены. Это действительно была та самая ночь, когда он женился на своей законной жене!

Сун Цинъи был в полном смятении. Как это могло быть? Он же помнил, как те двое заговорщиков украли фамильный секрет, лишили его наследства, родители оставили этот мир, а его самого выгнали из семьи Сун. Он умирал от голода в разрушенном храме, а теперь очнулся в прошлом, в давно прошедшей сцене?

«Неужели это сон?»

Он резко ущипнул себя. Боль была настолько сильной, что слезы навернулись на глаза. Сун Цинъи содрогнулся и едва устоял на ногах.

«Это не сон? Это реальность? Я действительно вернулся в то время, когда все еще можно было изменить...»

С дрожью в ногах он сделал шаг вперед. Сидящий на свадебном ложе человек, похоже, услышал его движение, и плод благополучия выпал из его рук.

Звук упавшего плода вернул Сун Цинъи к реальности. Он увидел, как человек пошевелился, словно собираясь поднять плод, но затем, вспомнив наставления свахи о том, что нельзя двигаться до снятия покрывала, остановился.

Из-за этого движения ярко-красное покрывало слегка колыхнулось.

Сун Цинъи тоже остановился, тихо наблюдая за тем человеком. Он помнил, что его звали Ци Жунюнь. Воспоминания о том ярком красном цвете всплыли в его памяти, и он стиснул зубы, едва сдерживая слезы раскаяния, которые невольно упали на еще плоский живот того человека.

Когда-то... или, скорее, в том будущем, которое уже произошло, его тихая и спокойная законная жена погибла вместе с их нерожденным ребенком, лежа в луже ярко-красной крови. Единственное, что она крепко обнимала — это табличку, которую она сама подготовила, с простой и скромной надписью: «Сун Циши Жунюнь».

Закрыв глаза, он позволил слезам скатиться по щекам. Сун Цинъи крепко прижал руку ко рту.

Его семья еще не разрушена, родители живы, законная жена жива, ребенок еще не родился. Все еще можно исправить.

«Нельзя плакать! Нельзя позволить другим заметить что-то неладное. Вернуться к жизни — это моя удача, это милость небес, и я должен ею воспользоваться...»

С трудом подавив эмоции, Сун Цинъи осторожно подошел вперед и с благоговением взял в руки коромысло весов. В прошлый раз он просто сдернул покрывало, не выпил свадебного вина, не съел ни лотоса, ни арахиса, ни сырых пельменей. Он просто воспользовался действием снадобья, чтобы выполнить обещание, данное отцу, не проявив никакого уважения к законной жене и никакой нежности.

Он помнил, как на следующий день после свадьбы пошел к отцу, чтобы договориться о женитьбе на своей ученице, совершенно не заботясь о том, смогла ли его жена встать после той ночи и как она, несмотря на свое состояние, одна отправилась во внутренний двор, чтобы поприветствовать мать, наложниц и дядей.

Теперь, хотя мать снова дала ему снадобье, он не чувствовал той ярости, которая была тогда. Вместо этого он испытывал лишь чувство вины и жалости к этому человеку — не только потому, что знал о его невинности во всем, но и из-за воспоминаний о том, как тот, уже с округлившимся животом, лежал в луже крови.

Осторожно подняв покрывало коромыслом весов, он увидел чистое лицо. Человек опустил глаза, его длинные черные волосы были аккуратно уложены и закреплены изящной трехцветной шпилькой с духовной птицей из люли, открывая лицо, которое не было красивым, но излучало спокойствие и изысканность. Взгляд Сун Цинъи на мгновение задержался на шпильке — он помнил, что такие шпильки могли носить только жены семьи Сун, а трехцветные были предназначены исключительно для законных жен. Однако эта шпилька, которая сейчас украшала голову Ци Жунюня, позже была отнята им и подарена той коварной женщине, которая очаровала его, тем самым унизив Ци Жунюня, как хозяйку дома. Его родители тогда сильно поссорились с ним, а мать даже заболела от гнева.

Поскольку Сун Цинъи не предпринимал дальнейших действий, Ци Жунюнь наконец поднял глаза, и его черные, как волосы, глаза встретились с растерянным взглядом Сун Цинъи.

Из-за снадобья Сун Цинъи уже был в сильном возбуждении, а после эмоционального всплеска его лицо покраснело еще больше, глаза налились кровью. Его взгляд, ставший глубже из-за воспоминаний, и слезы, стекающие по щекам, заставили Ци Жунюня на мгновение замереть. Спустя несколько секунд он медленно поднял руку и начал расстегивать свой красный халат.

— Прошу, будь милостив... — Голос Ци Жунюня был тихим и хриловатым, не особенно приятным, но и не раздражающим.

Его спокойное выражение лица и опущенный взгляд вызвали в сердце Сун Цинъи легкое волнение. Казалось, в те редкие моменты, когда они были вместе, этот человек всегда был таким тихим и спокойным, иногда произнося что-то хриловатым голосом. А фраза «Прошу, будь милостив» была одной из немногих, которые запомнились Сун Цинъи.

Хотя в этом мире и мужчины, и женщины могли рожать, жены-женщины все же были в большинстве. Мужчины становились женами обычно из-за бедности и жизненных обстоятельств. Хотя Ци Жунюнь не принадлежал к этой категории, в сравнении с огромной семьей Сун, его семья отправила его сюда, что тоже было вынужденным шагом. Ци Жунюнь, как законный сын, был оставлен своей семьей только потому, что его дата рождения совпала с генеалогическим древом семьи Сун. Сун Цинъи когда-то думал, что как мужчина он должен был испытывать ненависть. Как бы ни были тяжелы обстоятельства, мужчина должен сохранять свое достоинство. Однако Ци Жунюнь спокойно принял все, и даже в ту брачную ночь его слова «Прошу, будь милостив» звучали так, будто он был готов ко всему. Поэтому Сун Цинъи когда-то презирал Ци Жунюня, а из-за той женщины стал относиться к нему еще хуже.

Но теперь, пройдя через жизненные бури и испытав холодность людей, Сун Цинъи наконец понял, что Ци Жунюнь пожертвовал собой ради защиты своей большой семьи. Возможно, в этом смысле Ци Жунюнь лучше понимал значение слова «ответственность», чем сам Сун Цинъи.

Вздохнув, Сун Цинъи положил коромысло весов. Жар, разливающийся в нижней части живота, становился все сильнее, и ему было все труднее сохранять рассудок. А вид человека, снявшего верхнюю одежду и оставшегося в полупрозрачном нижнем белье, вызывал у него еще большее возбуждение. Слова «Прошу, будь милостив» больше не вызывали в нем отвращения, как раньше, а наполняли его сердце нежностью.

Поспешно расстегнув свадебный наряд, Сун Цинъи закрыл глаза, чтобы успокоиться. Его состояние уже было настолько явным, что даже Ци Жунюнь это заметил.

Горько усмехнувшись, он не хотел, чтобы Ци Жунюнь снова страдал, как в прошлый раз, но сейчас даже он сам едва мог контролировать себя.

С трудом собравшись, Сун Цинъи взял две чашки вина у кровати, протянул одну Ци Жунюню:

— Прости, что тебе приходится терпеть это.

Не дожидаясь ответа, он обменялся с ним чашами, выпил вино, а затем положил арахис, лотос и сырые пельмени в миску и с некоторой грубостью и поспешностью накормил их обоих.

<http://bllate.org/book/16594/1516431>